

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Всероссийская олимпиада школьников
по литературе
2017-2018 учебный год

Государственное бюджетное учреждение
дополнительного образования
Краснодарского края
«ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОДАРЕННОСТИ»
350000 г. Краснодар,
ул. Красная, 76
тел. 259-84-01
E-mail: cro.krd@mail.ru

Муниципальный этап

9 класс, задания

Председатель предметно-методической
комиссии: Сомова Е.В., к.ф.н., доцент

Аналитическое задание

Вам предлагается *на выбор* выполнить целостный анализ лирического *либо* эпического произведения.

1. Выполните целостный анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога».

В ходе работы Вы можете опираться на следующие вопросы:

- Какова проблематика данного произведения? К какой тематической разновидности лирики Вы бы его отнесли?
- Что Вы можете сказать о системе образов этого произведения: герой-рассказчик, папаша-генерал и его сын Ваня, призраки мужиков за окнами поезда?
- Каким представляется Вам образ героя-рассказчика?
- Каков пафос его монолога? Почему он обращен в Ванечке? Какие риторические приёмы используются в нём и почему?
- Какую символическую нагрузку несет образ дороги?
- Каковы функции фантастического в этом реалистическом произведении?
- Как соотносится в стихотворении «Железная дорога» человеческий и природный мир?
- Какую роль в раскрытии авторского замысла играет в третьей части реминисценция из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа».
- Какие поэтические произведения Некрасова могут, по вашему мнению, составить смысловой контекст стихотворения «Железная дорога»?

Не забывайте, что Ваш анализ должен представлять собой связный текст.

Железная дорога

*В а н я (в кучерском армячке).
Папаша! кто строил эту дорогу?
П а п а ш а (в пальто на красной подкладке)¹,
Граф Петр Андреевич Клейнмихель², душенька!
Разговор в вагоне*

1

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

2

Добрый папаша! К чему в обаянии³
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,

Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники⁴,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники⁵,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,

Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

3

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,-
Ваня сказал,- тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
«Вот они — нашей дороги строители!...»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана⁶,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?⁷

Вот ваш народ — эти термы⁸ и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!»-
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англо-сакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...»

4

Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник⁹,
Толстый, присадистый, красный, как медь,

Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..»

С богом, теперь по домам,- проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — недоимку¹⁰ дарю!..»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1864 г.

2. Выполните целостный анализ рассказа В.М. Гаршина «Сигнал».

В ходе работы Вы *можете* опираться на следующие вопросы:

- Как бы Вы определили основную тему и проблему рассказа?
- Как в его структуре соотносятся два центральных образа (Семен и Василий), их ценностные позиции?
- При помощи каких художественных средств автор создает психологический рисунок характера героя? Какую роль в раскрытии образа протагониста играет его предыстория?
- Как характеризует героев их речь? Каково соотношение речи героев и повествователя?
- В чем состоят особенности композиции данного текста? Что обеспечивает его динамику? Какова роль заглавия?
- Какие смыслы вложены автором в образ *железной дороги*?
- Чьи традиции продолжает В.М. Гаршин в раскрытии темы *маленького человека* и кто является его последователем / антагонистом в осмыслении данного социально-психологического феномена?

Не забывайте, что Ваш анализ должен представлять собой связный текст.

Сигнал

Семен Иванов служил сторожем на железной дороге. От его будки до одной станции было двенадцать, до другой - десять верст. Верстах в четырех в прошлом году открыли большую прядильню; из-за лесу ее высокая труба чернела, а ближе, кроме соседних будок, и жилья не было.

Семен Иванов был человек больной и разбитый. Девять лет тому назад он побывал на войне: служил в денщиках у офицера и целый поход с ним сделал. Голодал он, и мерз, и на солнце жарился, и переходы делал по сорока и пятидесяти верст в жару и в мороз; случалось и под пулями бывать, да, слава богу, ни одна не задела. Стоял раз полк в первой линии; целую неделю с турками перестрелка была: лежит наша цепь, а через лошадку - турецкая, и с утра до вечера постреливают. Семенов офицер тоже в цепи был; каждый - день три раза носил ему Семен из полковых кухонь, из оврага, самовар горячий и обед. Идет с самоваром по открытому месту, пули свистят, в камни щелкают; страшно Семену, плачет, а сам идет. Господа офицеры очень довольны им были: всегда у них горячий чай был. Вернулся он из похода целый, только руки и ноги ломить стало. Немало горя пришлось ему с тех пор отведать. Пришел он домой - отец старик помер; сынишка был по четвертому году - тоже помер, горлом болел; остался Семен с женой сам-друг. Не задалось им и хозяйство, да и трудно с пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось им в своей деревне невтерпеж; пошли на новые места счастья искать. Побывал Семен с женой и на Линии, и в Херсоне, и в Донщине; нигде счастья не достали. Пошла жена в прислуги, а Семен по-прежнему все бродит. Пришлось ему раз по машине ехать; на одной станции видит - начальник будто знакомый. Глядит на него Семен, и начальник тоже в Семеново лицо всматривается. Узнали друг друга: офицер своего полка оказался.

- Ты Иванов? - говорит.

- Так точно, ваше благородие, я самый и есть.

- Ты как сюда попал?

Рассказал ему Семен: так, мол, и так.

- Куда ж теперь идешь?

- Не могу знать, ваше благородие.

- Как так, дурак, не можешь знать?

- Так точно, ваше благородие, потому податься некуда. Работы какой, ваше благородие, искать надобно.

Посмотрел на него начальник станции, подумал и говорит:

- Вот что, брат, оставайся-ка ты покудова на станции. Ты, кажется, женат? Где у тебя жена?

- Так точно, ваше благородие, женат; жена в городе Курске, у купца в услужении находится.

- Ну, так пиши жене, чтобы ехала. Билет даровой выхлопочу. Тут у нас дорожная будка очистится; уж попрошу за тебя начальника дистанции.

- Много благодарен, ваше благородие, - ответил Семен.

Остался он на станции. Помогал у начальника на кухне, дрова рубил, двор, платформу мел. Через две недели приехала жена, и поехал Семен на ручной тележке в свою будку. Будка новая, теплая, дров сколько хочешь; огород маленький от прежних сторожей остался, и земли с полдесятины пахотной по бокам полотна было. Обрадовался Семен; стал думать, как свое хозяйство заведет, корову, лошадь купит.

Дали ему весь нужный припас: флаг зеленый, флаг красный, фонари, рожок, молот, ключ - гайки подвинчивать, лом, лопату, метел, болтов, костылей; дали две книжечки с правилами и расписание поездов. Первое время Семен ночи не спал, все расписание твердил; поезд еще через два часа пойдет, а он обойдет свой участок, сядет на лавочку у будки и все смотрит и слушает, не дрожат ли рельсы, не шумит ли поезд. Вытвердил он наизусть и правила; хоть и плохо читал, по складам, а все-таки вытвердил.

Дело было летом; работа нетяжелая, снегу отгрести не надо, да и поезд на той дороге редко. Обойдет Семен свою версту два раза в сутки, кое-где гайки попробует подвинтить, щебенку подровняет, водяные трубы посмотрит и идет домой хозяйство свое устраивать. В хозяйстве только у него помеха была: что ни задумает сделать, обо всем дорожного мастера проси, а тот начальнику дистанции доложит; пока просьба вернется, время и ушло. Стали Семен с женою даже скучать.

Прошло времени месяца два; стал Семен с соседями-сторожами знакомиться. Один был старик древний; все сменить его собирались: едва из будки выбирался. Жена за него и обход делала. Другой будочник, что поближе к станции, был человек молодой, из себя худой и жилистый. Встретились они с Семеном в первый раз на полотне, посередине между будками, на обходе; Семен шапку снял, поклонился.

- Доброго, - говорит, - здоровья, сосед. Сосед поглядел на него сбоку.

- Здравствуй, - говорит.

Повернулся и пошел прочь. Бабы после между собою встретились. Поздоровалась Семенова Арина с соседкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидел раз ее Семен.

- Что это, - говорит, - у тебя, молодница, муж неразговорчивый? Помолчала баба, потом говорит:

- Да о чем ему с тобой разговаривать? У всякого свое... Иди себе с богом.

Однако прошло еще времени с месяц, познакомились. Сойдутся Семен с Василием на полотне, сядут на край, трубочки покуривают и рассказывают про свое житье-бытье. Василий все больше помалчивал, а Семен и про деревню свою и про поход рассказывал.

- Немало, - говорит, - я горя на своем веку принял, а веку моего не бог весть сколько. Не дал бог счастья. Уж кому какую талан-судьбу господь даст, так уж и есть. Так-то, братец, Василий Степаныч.

А Василий Степаныч трубку об рельс выколотил, встал и говорит:

- Не талан-судьба нас с тобою век заедает, а люди. Нету на свете зверя хищнее и злее человека. Волк волка не ест, а человек человека живьем съедает.

- Ну, брат, волк волка ест, это ты не говори.

- К слову пришлось, и сказал. Все-таки нету твари жесточе. Не людская бы злость да жадность - жить бы можно было. Всякий тебя за живое ухватить норовит, да кус откусить, да слопать.

Задумался Семен.

- Не знаю, - говорит, - брат. Может, оно так, а коли и так, так уж есть на то от бога положение.

- А коли так, - говорит Василий, - так нечего нам с тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на бога взваливать, а самому сидеть да терпеть, так это, брат, не человеком быть, а скотом. Вот тебе мой сказ.

Повернулся и пошел, не простившись. Встал и Семен.

- Сосед, - кричит, - за что же ругаешься?

Не обернулся сосед, пошел. Долго смотрел на него Семен, пока на выемке на повороте стало Василия не видно. Вернулся домой и говорит жене:

- Ну, Арина, и сосед же у нас: зелье, не человек. Однако не поссорились они; встретились опять и по-прежнему разговаривать стали, и все о том же.

- Э, брат, кабы не люди... не сидели бы мы с тобою в будках этих, - говорит Василий.

- Что ж в будке... ничего, жить можно.

- Жить можно, жить можно... Эх, ты! Много жил, мало нажил, много смотрел, мало увидел. Бедному человеку, в будке там или где, какое уж житье! Едят тебя живодеры эти. Весь сок выжимают, а стар станешь - выбросят, как жмыху какую, свиньям на корм. Ты сколько жалованья получаешь?

- Да маловато, Василий Степанович. Двенадцать рублей.

- А я тринадцать с полтиной. Позволь тебя спросить, почему? По правилу, от правления всем одно полагается: пятнадцать целковых в месяц, отопление, освещение. Кто же это нам с тобой двенадцать или там тринадцать с полтиной определил? Чьему брюху на сало, в чей карман остальные три рубля или же полтора полагаются? Позволь тебя спросить?.. А ты говоришь, жить можно! Ты пойми, не об полторах там или трех рублях разговор идет. Хоть бы и все пятнадцать платили. Был я на станции в прошлом месяце; директор проезжал, так я его видел. Имел такую честь. Едет себе в отдельном вагоне; вышел на платформу, стоит, цепь золотую распустил по животу, щеки красные, будто налитые... Напился нашей крови.

Эх, кабы сила да власть!.. Да не останусь я здесь долго; уйду, куда глаза глядят.

- Куда же ты уйдешь, Степаныч? От добра добра не ищут. Тут тебе и дом, тепло, и землицы маленько. Жена у тебя работница...

- Землицы! Посмотрел бы ты на землицу мою. Ни прута на ней нету. Посадил было весной капустки, так и то дорожный мастер приехал. "Это, говорит, что такое? Почему без доношения? Почему без разрешения? Выкопать, чтоб и духу ее не было". Пьяный был. В другой раз ничего бы не сказал, а тут втемяшилось... "Три рубля штрафа!.."

Помолчал Василий, потянул трубочки и говорит тихо:

- Немного еще, зашиб бы я его до смерти.

- Ну, сосед, и горяч ты, я тебе скажу.

- Не горяч я, а по правде говорю и размышляю. Да еще дождется он у меня, красная рожа! Самому начальнику дистанции жаловаться буду. Посмотрим!

И точно пожаловался.

Проезжал раз начальник дистанции путь осматривать. Через три дня после того господа важные из Петербурга должны были по дороге проехать: ревизию делали, так перед их проездом все надо было в порядок привести. Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрели, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили, на переездах приказали желтого песочку подсыпать. Соседка-сторожиха и старика своего выгнала травку подщипать. Работал Семен целую неделю; все в исправность привел и на себе кафтан починил, вычистил, а бляху медную кирпичом до сияния оттер. Работал и Василий. Приехал начальник дистанции на дрезине; четверо рабочих рукоять вертят; шестерни жужжат; мчится тележка верст по двадцать в час, только колеса воют. Подлетел к Семеновой будке; подскочил Семен, отрапортовал по-солдатски. Все в исправности оказалось.

- Ты давно здесь? - спрашивает начальник.

- Со второго мая, ваше благородие.

- Ладно. Спасибо. А в сто шестьдесят четвертом номере кто?

Дорожный мастер (вместе с ним на дрезине ехал) ответил:

- Василий Спиридов.

- Спиридов, Спиридов... А, это тот самый, что в прошлом году был у вас на замечании?

- Он самый и есть-с.

- Ну, ладно, посмотрим Василия Спиридова. Трогай. Налегли рабочие на рукояти; пошла дрезина в ход. Смотрит Семен на нее и думает: "Ну, будет у них с соседом игра".

Часа через два пошел он в обход. Видит, из выемки по полотну идет кто-то, на голове будто белое что виднеется. Стал Семен присматриваться - Василий; в руке палка, за плечами узелок маленький, щека платком завязана.

- Сосед, куда собрался? - кричит Семен. Подошел Василий совсем близко: лица на нем нету, белый, как мел, глаза дикие; говорить начал - голос обрывается.

- В город, - говорит, - в Москву... в правление.

- В правление... Вот что! Жаловаться, стало быть, идешь? Брось, Василий Степаныч, забудь...

- Нет, брат, не забуду. Поздно забывать. Видишь, он меня в лицо ударил, в кровь разбил. Пока жив, не забуду, не оставлю так. Учить их надо, кровопийцев...

Взял его за руку Семен:

- Оставь, Степаныч, верно тебе говорю: лучше не сделаешь.

- Чего там лучше! Знаю сам, что лучше не сделаю; правду ты про талан-судьбу говорил. Себе лучше не сделаю, но за правду надо, брат, стоять.

- Да ты скажи, с чего все пошло-то?

- Да с чего... Осмотрел все, с дрезины сошел, в будку заглянул. Я уж знал, что строго будет спрашивать; все как следует исправил. Ехать уж хотел, а я с жалобой. Он сейчас кричать. "Тут, говорит, правительственная ревизия, такой-сякой, а ты об огороде жалобы подавать! Тут, говорит, тайные советники, а ты с капустой лезешь!" Я не стерпел, слово сказал, не то чтобы очень, но так уж ему обидно показалось. Как даст он мне... Терпенье наше проклятое! Тут бы его надо... а я стою себе, будто так оно и следует. Уехали они, опамятовался я, вот обмыл себе лицо и пошел.

- Как же будка-то?

- Жена осталась. Не прозевает; да ну их совсем и с дорогой ихней!

Встал Василий, собрался.

- Прощай, Иваныч. Не знаю, найду ли управу себе.

- Неужто пешком пойдешь?

- На станции на товарный попрошусь: завтра в Москве буду.

Простились соседи; ушел Василий, и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсем, поджидая мужа. На третий день проехала ревизия: паровоз, вагон багажный и два первого класса, а Василия все нет. На четвертый день увидел Семен его хозяйку: лицо от слез пухлое, глаза красные.

- Вернулся муж? - спрашивает.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла в свою сторону.

Научился Семен когда-то, еще мальчишкой, из тальника дудки делать. Выжжет таловой палке сердце, дырки, где надо, высверлит, на конце пищик сделает и так славно наладит, что хоть что угодно играй. Делывал он в досужее время дудок много и с знакомым товарным кондуктором в город на базар отправлял; давали ему там за штуку по две копейки. На третий день после ревизии оставил он дома жену вечерний шестичасовой поезд встретить, а сам взял ножик и в лес пошел, палок себе нарезать. Дошел он до

конца своего участка, - на этом месте путь круто поворачивал, - спустился с насыпи и пошел лесом под гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнейшие кусты для его дудок росли. Нарезал он палок целый пук и пошел домой. Идет лесом; солнце уже низко было; тишина мертвая, слышно только, как птицы чирикают да валежник под ногами хрустит. Прошел Семен немного еще, скоро полотно; и чудится ему, что-то еще слышно: будто где-то железо о железо позвякивает. Пошел Семен скорей. Ремонту в то время на их участке не было. "Что бы это значило?" - думает. Выходит он на опушку - перед ним железнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотне, человек сидит на корточках, что-то делает; стал подыматься Семен потихоньку к нему: думал, гайки кто воровать пришел. Смотрит - и человек поднялся, в руках у него лом; поддел он рельс ломом, как двинет его в сторону. Потемнело у Семена в глазах; крикнуть хочет - не может. Видит он Василия, бежит бегом, а тот с ломом и ключом с другой стороны насыпи кубарем катится.

- Василий Степаныч! Отец родной, голубчик, воротись! Дай лом! Поставим рельс, никто не узнает. Воротись, спаси свою душу от греха.

Не обернулся Василий, в лес ушел.

Стоит Семен над отвороченным рельсом, палки свои выронил. Поезд идет не товарный, пассажирский. И не остановишь его ничем: флага нет. Рельса на место не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бежать надо, непременно бежать в будку за каким-нибудь припасом. Господи, помоги!

Бежит Семен к своей будке, задыхается. Бежит - вот-вот упадет. Выбежал из лесу - до будки сто сажень, не больше, осталось, слышит - на фабрике гудок загудел. Шесть часов. А в две минуты седьмого поезд пройдет. Господи! Спаси невинные души! Так и видит перед собою Семен: хватит паровоз левым колесом об рельсовый обруб, дрогнет, накренится, пойдет шпалы рвать и вдребезги бить, а тут кривая, закругление, да насыпь, да валиться-то вниз одиннадцать сажень, а там, в третьем классе, народу битком набито, дети малые... Сидят они теперь все, ни о чем не думают. Господи, вразуми ты меня!.. Нет, до будки добежать и назад вовремя вернуться не успеешь...

Не добежал Семен до будки, повернул назад, побежал скорее прежнего. Бежит почти без памяти; сам не знает, что еще будет. Добежал до отвороченного рельса: палки его кучей лежат. Нагнулся он, схватил одну, сам не понимая зачем, дальше побежал. Чудится ему, что уже поезд идет. Слышит свисток далекий, слышит, рельсы мерно и потихоньку подрагивать начали. Бежать дальше сил нету; остановился он от страшного места саженьях во ста: тут ему точно светом голову осветило. Снял он шапку, вынул из нее платок бумажный; вынул нож из-за голенища; перекрестился, господи благослови!

Ударил себя ножом в левую руку повыше локтя, брызнула кровь, полила горячей струей; намочил он в ней свой платок, расправил, растянул, навязал на палку и выставил свой красный флаг.

Стоит, флагом своим размахивает, а поезд уж виден. Не видит его машинист, подойдет близко, а на ста саженьях не остановить тяжелого поезда!

А кровь все льет и льет; прижимает рану к боку, хочет зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранил он руку. Закружилось у него в голове, в глазах черные мухи залетали; потом и совсем потемнело; в ушах звон колокольный. Не видит он поезда и не слышит шума: одна мысль в голове: "Не устою, упаду, уроню флаг; пройдет поезд через меня... помоги, господи, пошли смену..."

И стало черно в глазах его и пусто в душе его, и выронил он флаг. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстречу подходящему поезду. Машинист увидел его, закрыл регулятор и дал контрпар. Поезд остановился.

Выскочили из вагонов люди, сбились толпою. Видят: лежит человек весь в крови, без памяти; другой возле него стоит с кровавой тряпкой на палке.

Обвел Василий всех глазами, опустил голову:

- Вяжите меня, - говорит, - я рельс отворотил.

1887 г.

Творческое задание

Вам предлагается попробовать себя в роли создателя «баттл»-текста от лица двух литературных героев-соперников, представляющих ценности и мироощущение определенной культурно-исторической эпохи.

«Баттл» – явление современной молодежной городской субкультуры, своеобразное соревнование, конкурс, смысл которого – не только победить, отстояв собственную точку зрения, но и выявить слабые стороны в позиции противника. Несмотря на короткое время «бытования» слова «баттл» в русском языке (конец 2000-х гг.), жанры, в основе которых лежит идея соперничества, утверждения превосходства собственных убеждений, были давно известны мировой культуре. Это диспут и полемический трактат, эпистола и «разговор», история которого связана с традициями античных «диалогов».

Перед Вами несколько пар литературных героев, имеющих, благодаря создателям, вполне самостоятельное представление о жизни, о себе, о мире, в котором существуют. Ваша задача заключается в том, чтобы выбранные Вами для творческой работы персонажи вступили в диалог. Их «баттл», спор должен касаться каких-то важных вопросов, связанных с мировоззрением этих героев. Выбирая стратегию спора-диалога, Вы можете опираться на ключевые понятия, предложенные в заданиях. Помните, что позиции героев

могут в чем-то совпадать, а могут быть прямо противоположны, интонация их реплик может быть убедительной, критической, вопросительной, восторженной, сатирической, но – главное – всегда корректной, что столь важно для победы в «баттле». Подумайте, кто, по Вашему мнению, ее должен одержать? Свой ответ обоснуйте.

Задание не предполагает жесткую закрепленность за каждым героем именно того оппонента, который предложен изначально. Выбранный Вами персонаж может бросить вызов любому другому сопернику из названных ниже.

Внимание! Творческое задание пишется прозой. Перед тем, как приступить к работе, продумайте ее стиль и композицию. Не забывайте, что при обрисовке каждого персонажа нужно опираться на авторскую позицию, на идейный мир произведения, которому принадлежит литературный герой.

Митрофан Простаков – Евгений Онегин (образование, любовь, семейный уклад, жизнь дворянина, взгляды на устройство общества, службу, крепостное право);

Александр Чацкий – Григорий Печорин (государственная служба и карьера, любовь и брак, дружба, просвещение и образование, национальная самобытность и патриотизм, поиск смысла жизни, проблема «лишнего человека» и его отношений с социумом, идеологическими оппонентами);

Софья Фамусова – Татьяна Ларина (романтическое мироощущение, круг чтения, любовь и брак, мораль, семейные традиции, долг и чувство, светская жизнь);

Стародум – Павел Афанасьевич Фамусов (общественная польза, служба и карьера, образцы для подражания, дворянская честь и долг, принципы воспитания подрастающего поколения и нравственные установки, просвещение и образование, нравы высшего света);

Алексей Молчалин – Иван Хлестаков (отношения с обществом, социальная иерархия, жизненные ценности и нравственные установки, служба и карьера, родительское воспитание).

Алексей Молчалин – Павел Чичиков (родительские заветы, жизненные ценности и нравственные установки, цель и средства, психологические манипуляции, отношение к службе, любви и браку).

Петр Гринев – юнкер Грушницкий (жизненные ценности дворянина, проблемы чести и долга, службы, отношение к любви, дружбе, дуэли).

¹ В пальто на красной подкладке – Некрасов подчеркивает, что герой одет в соответствии со своим генеральским чином, в то время как кучерский армячок Ванюши – дань моде, выставяющей напоказ мнимое народолюбие.

² Граф Клейнмихель – главноуправляющий путей сообщения, при котором в 1842-1852 годах была построена первая в России Петербургско-Московская (Николаевская) железная дорога.

³ В обаянии – здесь: в прекраснодушном неведении.

⁴ Десятник – старший над группой рабочих.

⁵ Ратник – воин.

⁶ Собор святого Стефана – архитектурная достопримечательность Вены.

⁷ Перефразированные строки из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа».

⁸ Термы – древнеримские бани.

⁹ Лабазник – владелец торгового склада – лабаза.

¹⁰ Недоимка – здесь: невзысканные с рабочих долги.

Уважаемый участник олимпиады!

Задания и ответы олимпиады будут опубликованы на сайте ГБУ ДО КК «Центр развития одаренности» (www.cdodd.ru) в день проведения олимпиады в 15.00 в разделе «Методическая копилка/Олимпиадные задания муниципального этапа ВОШ».

Уточните у организаторов, где и когда будут опубликованы результаты проверки олимпиадных работ.

В случае несогласия с выставленными баллами вы можете подать апелляцию, предварительно просмотрев Вашу оцененную работу, обратившись в муниципальный орган управления образованием. Там же Вы можете получить подробную информацию о месте и времени проведения просмотра олимпиадных работ и апелляции.